
Нея Амос
ЙЕРА
для
БАРСИЙЦА
18+

Нея Амос
Йера для барсийца

https://litres.ru/74794519
SelfPub; 2026

Аннотация

Барсийцы не берут пленных. Барсийцы не обращают внимания на землянок. Барсийцы не смотрят так, будто готовы сожрать тебя одним взглядом.

Этот — смотрит.

Он вырвал меня из кресла пассажирского судна, закинул на плечо и уволок на борт легендарного «Тристана». Теперь мы вдвоем заперты в живом корабле, который явно что-то замыслил.

Он говорит, я нужна, чтобы починить корабль.

Я говорю, что сначала ему нужно починить голову.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	42
Глава 11	48
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	63
Глава 15	67
Глава 16	71
Глава 17	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Нея Амос
Йера для барсийца

Глава 1

Что могло пойти не так за чашкой кофе на борту комфортабельного судна последнего поколения?

Как оказалось — все что угодно.

Не успеваю сделать глоток, как экстренное торможение толкает меня вперед. Стакан вылетает из рук, и коричневая жидкость выплескивается на красного верзилу-дарианца, который сидит через проход.

Его глаза тут же вспыхивают фиолетовой яростью.

Дарианцы — раса недалеких и неповоротливых силачей с плохим характером. И я уверена, что дурости отомстить ему хватит.

Как в замедленной съемке, он медленно-медленно закрывает глаза. Плоское красное лицо наливается еще более густым багрянцем. Он медленно и громко вдыхает своими огромными легкими, а потом разъяренно выдыхает прямо в мою сторону.

Большая рука тянется к страховочному ремню. Щелчок бьет по нервам. Полоса втягивается в сиденье со звуком «вжух».

— Идиотка! — рычит он и медленно поднимается, открывая глаза.

Дарианец замахивается кулаком размером с мою голову.

Я выставляю вперед рабочий планшет — жалкий щит — и закрываю собой сидящую рядом девочку лет трех.

Ну все, Лидка! Не успела долететь до повышения и встретила свой конец. Вот бы малышку-соседку и ее маму не задело.

Но в воздухе что-то свистит.

Что-то теплое и живое сжимает мою талию и дергает меня с сиденья в сторону прохода. Кресла срываются со своих мест. И все это происходит одновременно.

— Леди, — рычит над головой чей-то низкий голос.

Леди? Тысячелетие такое обращение не в ходу.

От угрозы, повисшей в воздухе, волоски на теле встают дыбом. Спина упирается в кого-то высокого и твердого, как живая скала. И очень теплого.

Поднимаю голову и вижу квадратный подбородок. Пытаюсь освободить талию от тисков и понимаю, что тиски-то живые.

Это хвост! И чешуя на нем черная с золотыми прожилками, переливается как жидкий металл.

Мать моя женщина…

Да это же барсиец!

И он тоже огромный. Только если дарианец похож на неповоротливую глыбу, то барсиец — на биологическую ма-

шину для убийства. Уж я-то знаю толк в биомеханике. Я оценила.

Идеальные пропорции. Каждая мышца под черной формой перекатывается как поршень идеального двигателя.

Что он делает на пассажирском судне? Барсийцы — лучшие воины галактики. Они не летают экономклассом. Разве что…

Глава 2

Это они тормознули наше судно? Этот дарианец — опасный преступник? Так и знала! Не зря я на него кофе вылила.

Ищу глазами девочку-соседку и ее маму. Успокаиваюсь, увидев их в стороне. Вокруг же нас образовалось свободное пространство. Только дарианец, я и барсиец, который держит меня.

— Не буду мешать, — говорю я как можно спокойнее и пытаюсь избавиться от опоясывающего меня хвоста. — Берите дарианца побыстрее. А то он тут все разнесет.

Хвост сжимается крепче, а мои пальцы хватают зеленый росток, и он остается в моих руках. Что это? Откуда он здесь?

Я чувствую тепло хвоста даже через плотный костюм. Оно странное, неуместное, но очень приятное. Как будто грелка. Или объятия, которых у меня давно не было.

Барсиец наклоняет ко мне лицо.

Он наклоняется слишком близко для незнакомца. Я чувствую его дыхание на виске. Потом он замирает. На целую секунду. И вдыхает — медленно и глубоко, как зверь, который нашел свое.

Как же он хорош суровой и опасной красотой. От него идет такая мужская энергетика, что дух захватывает. Редкий экземпляр. Идеальный образец. Если бы я проектировала

военную машину в человеческом обличье, у меня получился бы он.

— Твой запах… — Его голос становится более низким и хриплым.

Он не договаривает и после паузы произносит с каким-то надломленным спокойствием:

— Я забираю тебя.

Меня?

— Зачем?

Он не отвечает. Только скользит взглядом по моему лицу, задерживаясь на губах, потом на шее. И странное дело — его зрачки расширяются. Совсем чуть-чуть, но я замечаю.

Дарианец делает шаг.

— Это моя драка! Отвали!

Барсиец поворачивается к нему так быстро, что в глазах мелькает. Я не успеваю заметить движение, как дарианец заваливается назад, падает в кресло и скатывается по нему на пол без чувств.

Толпа взволнованных пассажиров начинает гудеть. Краем глаза вижу, что нас снимают на десятки коммуникаторов.

Барсиец замечает это тоже. Он проходится по толпе равнодушным взглядом, и из всех коммуникаторов, как по команде, начинает валить белый дым.

Он что, привел их в негодность?

Я, как биомеханик, тут же с интересом смотрю на его голову. Что под черными волосами? Живой мозг? Или что-то

другое? Как он это сделал? Магнитный импульс? Электромагнитная волна направленного действия?

Не додумываю.

Барсиец обхватывает меня рукой, приподнимает над землей и закидывает в сгиб локтя, как какой-нибудь свернутый ковер.

— Эй! Ты что делаешь?

— Я уже сказал. Ты мне нужна.

— А меня спросить забыл, хвостатый? — возмущаюсь я и вдруг понимаю, насколько абсурдна вся эта ситуация.

И смеюсь, потому что это ни в какие ворота не лезет.

В нашем-то ультрацивилизованном обществе вот так по-пещерному тащить меня куда-то?

Барсиец резко останавливается. Смотрит на меня так, будто видит впервые.

— Ты что делаешь? — спрашивает он низким голосом.

— Смеюсь от абсурдности ситуации! Понимаешь, о чем я? Быстро отпусти меня!

Он молчит, но его пальцы на моей талии чуть ослабевают, а потом сжимаются снова, но уже осторожнее.

Молчит и несет куда-то, зараза хвостатая.

— Куда ты меня тащишь?! Отпусти, или я…

— Или что?

Его голос низкий и хриплый. В нем впервые проскальзывает что-то похожее на интерес, насмешку или вызов.

Открываю рот, чтобы красочно послать его в космиче-

скую бездну, когда он вносит меня в стыковочный узел.

И я замираю, не веря своим глазам.

К узлу пристыкован биомеханический корабль, который я тут же узнаю по форме.

Легендарный «Тристан», потерянный в третьей галактической войне. Списанный и уничтоженный, но никак не стоящий здесь, вживую, пульсирующий слабым золотым светом из-за обшивки, как больное сердце.

Глава 3

— «Тристан», — благоговейно шепчу я.

Барсиец хмыкает.

Он несет меня по стыковочному рукаву, не опуская на пол. Я перестаю брыкаться еще на полпути, когда понимаю, что бороться с барсийцем — все равно что сдвигать космический крейсер голыми руками.

Теперь же я абсолютно заворожена нашей целью.

«Тристан» приближается в своем сломанном великолепии.

Я вижу шрамы легендарного первого биомеханического корабля. Вмятину в корпусе, словно прожженную чем-то радиоактивным. Заплатку из неизвестной мне материи с переливом, по которой пробегают волны.

Золотые прожилки на обшивке пульсируют в такт с моим сердцем. Или мое сердце подстраивается под корабль? Не знаю.

Мы заходим внутрь, и воздух тут словно в оранжерее — влажный и теплый. Стены дышат зеленью, а металлические переборки местами открыты, а местами покрыты чем-то похожим на черную кожу.

Аварийный свет создает ощущение полусна.

Я вижу короткое замыкание. Вижу белый дымок, который поднимается через листву.

Я работаю с биомеханикой пятнадцать лет. Перебрала десятки старых чертежей, сотни отчетов по «Тристану», но ни одно описание не передает этого ощущения — что ты внутри гигантского живого существа.

И это животное не спит и очень страдает.

— Нравится? — Голос барсийца звучит глухо в этом живом пространстве.

— Это невозможно, — говорю я. — «Тристан» пропал без вести двадцать лет назад. Его считал потерянным весь Альянс.

— Хм… — Он опускает меня на пол.

Я едва держусь на ногах, потому что колени дрожат от восторга. Я даже уже не очень хочу вызывать бригаду спасения.

— Кто ты такой? — спрашиваю барсийца.

— Не имеет значения. — Он поворачивается ко мне.

В полумраке его желтые глаза светятся, а под тонкой кожей на скуле я вижу золотые нити, в точности как на корпусе «Тристана».

— Что с тобой? — выдыхаю я.

Барсиец молча разворачивается и идет по коридору. Я оборачиваюсь и вижу закрытый шлюз. Пробую нажать на панель открытия, но меня бьет током.

«Тристан» сломан. Тогда как он летает? Как состыковался? И как собирается улететь в таком состоянии?

И главное, почему со мной и куда?

Есть у меня одна догадка, но она мне слишком льстит.

Барсиец скрывается из вида, проходит несколько секунд, и «Тристан» начинает отстыковываться. И вот тут-то я понимаю, что меня крадет неизвестный хвостатый на легендарном первом биомеханическом корабле.

Коллеги не поверят. А если поверят, то умрут от зависти, потому что оказаться в легенде мечтает любой биомеханик.

Я не спешу двигаться. Закрываю глаза, перехожу на ментальное зрение и сканирую своим даром ритма пространство.

Создатель! Это невероятно.

И больно.

Тристан не должен работать. В таком состоянии он обречен, однако как-то летит. Но как?

Ответ я нахожу, когда понимаю, что единственный разумный, кроме меня и корабля, сейчас подключен к последнему и сливается с ним в едином ритме барсийского сердца.

От шока меня выкидывает из ментала, и я едва не теряю равновесие от рывка.

Барсиец — часть корабля. Часть «Тристана». Но как это возможно?

Глава 4

Я делаю шаг по коридору, и в этот момент «Тристан» издает низкое неровное гудение, словно у огромного зверя вырывается последний вздох. Гул нарастает, а следом резко смолкает, оставляя после себя ощущение безнадеги.

А потом до ушей долетает тихий ровный гул. Так работают обычные корабли, но не биомеханические. Именно поэтому я понимаю, что управление переключилось на автопилот.

Как если бы кто-то внутри корабля нажал тумблер под названием «не чувствовать». Гудение выравнивается до одной безжизненной ноты, тогда как у биомеханического корабля всегда звучит целая палитра звуков.

А потом вибрация отдает в ноги. Секунду назад пол пульсировал в такт чьему-то больному сердцу. Я чувствовала каждый удар подошвами ботинок — бум-бум-бум.

А сейчас…

Сейчас вибрация становится механически ровной, как у миллиона стандартных кораблей.

Я опускаю взгляд и вижу, что золотые прожилки на обшивке пульсируют чаще, будто в панике. Ярче — тусклее. Ярче — тусклее. А потом медленно тускнеют, как засыпающий светлячок.

— Тристан! — зову я, но корабль не отвечает.

Воздух меняется. Теплый, влажный и почти парниковый воздух становится суше и стерильнее, прохладнее.

Где-то справа щелкает клапан.

Я оборачиваюсь.

Воздушные корни, которые свисали с потолка минуту назад, теперь медленно втягиваются в переборки. Зеленые листья скукоживаются, словно здесь наступила земная осень, а все соки дерева ушли в корни.

«Тристан» прячет свое живое нутро под стандартную обшивку, и только одна вещь остается прежней. Вдалеке, глубоко в недрах корабля, я слышу сердце корабля.

Оно все еще бьется.

Но оно бьется для барсийца. Или барсийское сердце бьется для корабля? Я не знаю. Одно мне понятно: корабль-легенда умирает. И я отчетливо чувствую, что умрет «Тристан» — умрет барсиец, потому что они каким-то непостижимым образом связаны.

Этот рывок в космосе за мной стоил им последних сил.

И мне становится по-настоящему страшно.

Спокойно, Лида. Еще не все потеряно. Ты биомеханик с уникальным даром ритма. Не зря барсиец и «Тристан» сделали этот предсмертный рывок за мной.

Они надеются, что я их спасу, а я пока даже не представляю, смогу ли.

Как барсиец узнал обо мне? Или это легендарный ум «Тристана»?

Я дотрагиваюсь рукой до стен корабля, но он даже не отзывается слабым свечением. Начинает пахнуть сладковато, словно перебродившим соком.

Это растения, которые вырабатывали сахар для энергии, умирают.

— Вот дурак, — шепчу я то ли кораблю, то ли хвостатому идиоту, который уволок меня в никуда.

Мозг начинает лихорадочно соображать. Раз барсиец столько времени отдавал свою энергию кораблю, то не удивительно, что они стали единым целым. И похоже, действовать надо именно через него.

Я снова ныряю в ментал и ужасаюсь. Кораблю и барсийцу осталось совсем недолго. Нужно как можно быстрее его найти.

«Тристан» уже нечто другое, чем был заявлен в проектах, с которыми я знакомилась.

Он стал существом, загнанным в форму корпуса и переборок. Его нервные узлы тянутся к каждому отсеку и стыковочному узлу. Его сердцем является больше не двигатель, а настоящая мышца. Она пульсирует где-то глубоко, в недрах биомассы, и каждое ее сокращение отдается болью во всем теле.

Но это не самое поразительное. Удивительны связи, по которым идут едва заметные импульсы.

Золотые нити тянутся от корабля куда-то вбок, в сторону жилого отсека. Они словно артерии, которые не перерезать

без смерти обоих.

Я иду по этим нитям, не открывая глаз.

И нахожу барсийца в капитанской рубке, распластанным в кресле, которое пульсирует через кожаную обшивку.

Глаза закрыты. Черные волосы разметались по спинке. На лице видны тонкие золотые прожилки. Грудь тяжело поднимается и опускается, как у загнанного зверя, а хвост лежит на полу.

Он не в отключке, а в слиянии.

Если корабль умрет, то нити порвутся, и он умрет следом. А если он умрет — корабль рассыплется на пыль и металлические куски.

Сердце «Тристана» вдруг начинает колотиться в бешеной агонии, а барсиец тянет часть боли на себя. Я вижу, как золотые нити светятся ярче у его позвоночника. Как он сжимает подлокотники так, что кожа трещит. Как его губы шевелятся, будто шепчут команды, которые корабль уже не слышит.

— Дурак, — говорю я вслух. — Какой же ты дурак, хвостатый. Но я тебя понимаю. У меня тоже есть любимица — Розет. Она шустрая и умная девчонка, которая вечно оставляет с носом всех биомеханических бегемотов Альянса. Если бы она умирала, как «Тристан»…

Я тяжело вздыхаю.

Внезапно приборный экран подергивается рябью, и я вижу изображение очень плохого качества. Барсиец лежит весь в крови, его руки и ноги вывернуты под неправильным уг-

лом. Его грудь уже не поднимается.

И тут корни, что сочатся белым соком, тянутся к нему.

И я понимаю: это запись с «Тристана». Он спас барсийца, а теперь барсиец спасает его.

Глава 5

Им осталось недолго в таком темпе.

Но как они узнали обо мне? Кое в чем этот барсиец и «Тристан» оказались правы: я могу им помочь.

Делаю вдох и кладу ладонь на стену рубки.

Ментальное зрение разворачивается во мне, как цветок. Я чувствую ритм — хаотичный, рваный и дикий. Семь ударов подряд, затем три. Пауза. Потом пять ударов. Никакой системы, никакой закономерности.

— Тихо-тихо, — шепчу я кораблю. — Сейчас мы это поправим.

Я не знаю, слышит ли меня «Тристан», но мой дар сработает и без этого. Сначала ритм нужно создать во мне, найти нужную эмоцию и отправить ее волной в сторону биомеханического сердца.

«Тристан» дрожит, а его стены начинают пульсировать сильнее, словно сопротивляясь навязыванию ритма, но потом он будто расслабляется.

Золотые прожилки светятся чуть ровнее, но белый дымок над листвой никуда не исчезает, а воздушные корни так и не наливаются соком.

Но первый шаг сделан. Это уже не агония, а стабильно тяжелое состояние.

Барсиец за спиной хрипло выдыхает, словно ему только

что сняли с груди тонну.

Я убираю руку от стены и открываю глаза.

В рубке стало заметно светлее.

Я оборачиваюсь, чтобы оценить хвостатого. Как он там?

Барсиец все еще в кресле, но его лицо больше не серое, а через скулы не видно золотых жил. Глаза закрыты, но веки уже не подрагивают в судороге. Он словно в глубоком сне.

Сейчас я сделала все, что могла. Такое состояние за один раз не поправить. Теперь надо найти, где здесь вода, потому что мое горло дерет как после недели без дождя. У меня всегда жуткие откаты после использования дара. Мне нужно выпить литр воды, чтобы почувствовать себя хотя бы немного лучше.

Я делаю шаг к выходу из капитанской рубки, и в этот момент «Тристан» вздрагивает. На стене рубки вспыхивает слабая рябящая голограмма.

Входящий сигнал!

«Идентификация: объединенная служба безопасности Альянса.

Приоритет: экстренный.

Канал открыт».

— Говорит Патрульный 15911. Неопознанное судно, вы нарушили статью 47 Галактического кодекса. Зафиксировано похищение гражданского лица на борту пассажирского

лайнера. Вам предписано немедленно остановиться и подготовиться к стыковке. Повторяю: немедленно остановиться.

Это же за мной! Кто-то из пассажиров судна, где меня украл хвостатый, вызвал патруль, чтобы меня спасти.

Барсиец не шевелится. «Тристан» молчит.

У меня есть шанс спокойно покинуть легендарное судно и вернуться в свою обычную жизнь. Продолжить свой полет на повышение и забыть о том, что здесь видела.

И они оба умрут — «Тристан» и барсиец.

Я смотрю на квадратный подбородок барсийца, на тень от ресниц. И тут его хвост, что лежал неподвижно, медленно тянется ко мне и обвивает ногу.

Я знаю, что могу его сбросить, что у него не хватит сейчас энергии меня удержать.

НО…

Если улечу, легенда и один мужчина погибнут. Если не улечу, меня ждет одна сплошная неизвестность.

Я могу и не спасти их, угробить карьеру и, возможно, свою жизнь.

Но знать, что сознательно оставила этих двоих умирать, когда был шанс, я не могу.

— Идиотка, — смеюсь я вслух и открываю канал связи.

— Патрульный 15911, вечного светила! Я Лидия Демидова, и никто меня не похищал. Мы просто поругались с моим женихом, вот он меня и вернул.

— Лидия Демидова, идентифицируйте свой айди, считав

код на экране.

Я направляю коммуникатор на экран, и он пищит. Готово!

Что я делаю? Ведь это может быть смертный приговор. Во всем виновато обезвоживание после применения дара.

Но как только подумаю, что легендарный «Тристан» жив и зависит от меня, а этот хвостатый мужик слился с биомеханикой, как во мне просыпается такое любопытство и профессиональная ответственность, что я просто не могу поступить по-другому.

Да и никто из биомехаников не смог бы. Я это точно знаю. Это же «Тристан»!

Да и любая женщина меня бы поняла — такого барсийца нога просто не поворачивается оставить одного. Жалко, если такой мужик погибнет.

— Да тут просто комбо, — бормочу я. — А я сумасшедшая.

Где тут попить? Мне очень нужно.

Пытаюсь освободиться от хвоста, но он делает резкий рывок. Я падаю на грудь барсийца, а хвост крепко обвивает мою талию.

Так это что, я заблуждалась, что легко могу покинуть этот корабль?

Глава 6

Его хвост обвивает мою талию так плотно, что между нами не просунуть и пальца. Барсийское сердце бьется под моей щекой гораздо ровнее, чем раньше, спасибо моему дару.

— Отпусти, — шепчу я охрипшим голосом. — Мне нужно попить.

Он без сознания, я это точно знаю по его ментальному полю. Тогда почему хвост живет своей жизнью?

Вблизи от него пахнет иначе. Не так, как в рубке или в коридоре. Тяжелее. Горячее. Пряный дым, раскаленный металл и дикое, звериное, от чего внутри все сжимается.

Я незаметно вдыхаю. Еще раз. Сама не понимая зачем.

Барсиец не открывает глаз, но хвост медленно скользит выше, от талии к ребрам. Через тонкий костюм я чувствую тепло и гладкость, как будто это мышца, покрытая шелком. И вдруг понимаю, что дышу чаще, чем требуется.

— Я серьезно, хвостатый. Убери свой…

Я не договариваю, потому что кончик хвоста ложится мне на губы. Как палец, которым затыкают рот перед поцелуем.

Губы горят. Язык чувствует едва уловимый солоноватый привкус. И мне хочется… Что мне хочется? Нет. Не надо.

Я отворачиваю голову, чтобы освободить рот:

— Ты… ты что делаешь?

Возмущенно смотрю на барсийца. Он не подает признаков

сознания — глубокое дыхание, неподвижное лицо. Но хвост явно не в курсе, что хозяин отдыхает.

Только почему тогда у меня внутри все трепещет? Это не страх. Я знаю страх. Это… я не знаю, что это.

Я пытаюсь оттолкнуться от его груди, и в этот момент хвост сжимается вокруг талии. Крепко, но не больно. Я замираю, прижатая к нему всем телом — грудь к груди, бедра к бедрам.

Вдох — и снова его запах. Теперь он везде. На моей шее, на волосах, на губах. Он заполняет меня раньше, чем я успеваю отстраниться.

Позвоночник немеет. Внизу живота разливается тягучее опасное тепло.

Я чувствую, как под черной космийкой барсийца что-то меняется. Его тело становится плотнее и горячее. А кое-где появляется твердость, которой точно не было.

Сам в отключке, а тело реагирует! Ничего себе.

О звезды, кажется, мое тело тоже реагирует.

— Парень, лучше потрать силы на восстановление. — Мой голос звучит не так твердо, как хотелось бы. — Понимаю, реакция после стольких лет воздержания обычная, но все же вся кровь тебе нужна в сердце и в голове.

Потому что, если она отхлынет ниже еще, я, кажется, начну понимать зверей в космическом зоопарке.

Я пытаюсь отодвинуться, но хватка у него просто железная.

Между нашими телами нет зазора. Ни миллиметра. И с каждым моим вдохом моя грудь трется о его.

Я задерживаю дыхание. Глупо, Лида. Совсем глупо. Потому что тогда я чувствую его тем сильнее.

Неожиданно кончик хвоста проникает под мой пиджак в районе спины и натягивает ткань. Я чувствую касание по голой коже и понимаю, что кончик выписывает какие-то вензеля. Каждый такой завиток запускает волну мурашек по телу и словно посылает импульс в затылок.

Мурашки — это ничего. Мурашки — это защита. А вот когда внутри все обрывается и собирается в тугой узел где-то между поясницей и… в общем, подальше — это проблема.

Я не должна это чувствовать. Не должна хотеть продолжения. Он без сознания, черная дыра! А его хвост рисует на моей спине что-то, от чего у меня подкашиваются колени.

Дыши, Лида. Парня коротит, вот и мне передалось.

Но не передается же так, что хочется прикусить губу и прижаться сильнее, а не отодвинуться.

— Если ты так пытаешься со мной разговаривать на барсийском, то не стоит — я не знаю языка. — Я выдыхаю, и в выдохе слышу что-то неприличное, чего не планировала. — И вообще, экономь энергию.

Хвост на секунду замирает, а потом я чувствую легкую вибрацию. Короткую, как один удар сердца. И мой собственный пульс отвечает тем же ритмом.

Ритм — это моя территория. Мой дар. Но сейчас он при-

ходит не от меня. И отзывается во мне так, будто наши сердца всегда бились в унисон.

Меня охватывает желание, и я даже не понимаю, как это случилось. Просто вдруг это осознаю и замираю с открытым ртом.

Так-так-так, еще не хватало, чтобы я вошла в синхрон с хвостатым.

Только я уже влипла.

И эта сводящая с ума вибрация хвоста на моей голой спине — настоящее приглашение.

Неужели барсиец все еще без сознания и не знает, что его тело только что сделало мне предложение, от которого у нормальной женщины подгибаются ноги?

Или знает?

Глава 7

Ашер

Я не знаю, что такое сон без боли.

Двадцать лет каждую секунду я чувствую «Тристана». Каждый его сломанный нерв, каждую умирающую клетку. Мы переплетены так тесно, что я забыл, где заканчивается корабль и начинается моя плоть.

А потом появляется надежда — Лидия.

Землянка с острым языком, от которой пахнет грозой. Когда увидел ее первый раз, грудь сжало тисками. Анализ «Тристана» показал, что она — наш единственный путь способ выжить.

А ни я, ни он не готовы умирать. Наша миссия еще не выполнена. Мы не можем предупредить барсийцев. Не можем подать сигнал, потому что враг его перехватит, и тогда вся Барса умрет.

Я прихожу в себя от ее запаха. Он везде — на моей шее, руках, груди. Открываю глаза и вижу, что она спит на мне. Под глазами темные круги, губы сухие.

— Тристан, что с ней?

— Дар ритма дает откат в виде обезвоживания.

Мой хвост все еще обвивает ее талию и не отпускает. Даже в моем отключенном состоянии он знал, что она — единственное, что нельзя потерять.

Я осторожно сажусь и беру ее на руки.

Корабль стонет. «Тристан» слаб, но его сердце бьется ровнее — спасибо прикосновению ее ритма.

— Сработало, Тристан! — хриплю я. — Она может нам помочь восстановиться.

— Я подготовил капсулу. В ней заряда осталось на один сеанс.

— Ей хватит.

Она не слышит наш разговор, дышит часто и поверхностно.

Я подхватываю ее на руки и встаю. Она легкая, как пух. И теплая. Как давно я не ощущал чужого тепла!

Наверное, поэтому мой организм так реагирует.

Сквозь ткань костюма я чувствую жар ее тела, и во мне просыпается что-то древнее и голодное. Крайне не вовремя.

Отношу ее в медотсек, где «Тристан» включает мягкий свет — единственное, на что у него еще хватает сил. Я укладываю Лиду в капсулу.

Ее волосы разметались, губы приоткрыты, ресницы дрожат во сне.

Я должен помочь ей раздеться. В этом костюме капсула не сможет ей помочь.

Мои пальцы расстегивают замки. Я делаю это медленно, потому что боюсь испугать. Потому что боюсь, что, проснувшись, она закричит. Женщины всегда кричат, когда я приближаюсь.

Я слишком большой и пугающий для землянок. Мои клыки больше, чем у них. Мои вертикальные зрачки сужаются в щели, когда я зол. Мои руки ломали кости врагов так же легко, как она ломает печенье к чаю. Она не знает. Если бы знала — убежала бы.

Но Лида открывает глаза ровно на секунду, смотрит на меня мутным взглядом и… улыбается.

— Хвостатый, — шепчет она, — ты все еще живой. Это хорошо.

И снова засыпает.

Я замираю с ее пиджаком в руках. Никто никогда не радовался тому, что я жив. Никто.

Стягиваю с нее ботинки. Носки. Они маленькие, смешные, с улыбающимся цветком на щиколотке.

Ее тело прекрасно настолько, что мне приходится воскресить в памяти самые жуткие бои, чтобы немного остыть.

Не знаю, сколько времени я сижу рядом, глядя на Лиду.

Хвост обвивает ее ногу, и я не могу заставить его отлипнуть от нее.

Просто он знает, что в ней заключается мое спасение.

«Тристан» пульсирует слабо, но спокойно. Впервые за двадцать лет он не кричит от боли, потому что она здесь. Потому что ее ритм помог.

Я закрываю капсулу, но хвост не отпускает ее ногу, не дает крышке опуститься до конца.

Он словно живет своей жизнью, как увидел ее. Не убира-

ется, хотя полубоевая форма тратит уйму энергии.

Меня начинает клонить в сон. Ту его разновидность, после которой можно и не проснуться. Похоже, «Тристан» взял от меня слишком много сил, чтобы запустить эту капсулу.

— Тристан, можешь раздвинуть капсулу?

Он отвечает действием, и размер капсулы увеличивается. Я подключаю Лидию к датчикам, чтобы капсула восстанавливала лишь ее.

Ложусь рядом, поскольку чувствую, что иначе мы оба серьезно пострадаем.

Осторожно, чтобы не раздавить, я устраиваюсь справа от нее. Капсула слишком мала для нас двоих, но я не могу быть далеко от нее. Меня клонит в смертельный сон.

Она поворачивается во сне и утыкается носом мне в грудь, закидывает ногу. Сопит. Ее рука находит мой хвост и поглаживает, как кошку.

Мое сердце пропускает удар. Она уже спит, а не в отключке?

Если бы она знала, что для барсийца значит прикосновение к хвосту! Это предложение. Приглашение. Согласие.

Я закрываю глаза.

— Тристан, закрывай капсулу и запускай.

И проваливаюсь в темноту.

___

Лидия

Холодно.

Я открываю глаза и обнаруживаю себя в полной темноте. Лежу на чем-то едва теплом.

Пытаюсь встать и ударяюсь обо что-то головой. Глухой звук разносится по крошечному замкнутому пространству.

Я что, в сломанной регенеративной капсуле?

Воспоминания возвращаются волной, и я с шумом втягиваю воздух.

Вселенная, я же на «Тристане»!

На умирающем биомеханическом корабле с подключенным к нему капитаном-барсийцем. И кажется, я сейчас лежу под его боком.

Но почему здесь темно? Неужели…

Неужели легендарный корабль умер?

Глава 8

— Хвостатый? — шепчу я в темноту.

Тишина.

Только едва слышное дыхание рядом.

Я протягиваю руку и нащупываю его твердое плечо.

— Барсиец! — зову громче.

Он не отвечает.

Меня пробирает холод, хотя в капсуле тепло. Он сковывает позвоночник и простреливает в тело ледяными иглами.

Неужели не успела?

Неужели они оба — и корабль, и этот идиот хвостатый — умерли, пока я была в отключке?

Нет. Не может быть. Я бы почувствовала.

Закрываю глаза и ныряю в ментальное зрение. И мир вокруг вспыхивает тусклым, умирающим маревом.

О создатель! «Тристан»!

Легендарный первый биомеханический корабль сейчас напоминает мне сердце старой мыши в лаборатории — оно еще бьется, но уже не качает кровь, а просто вздрагивает по инерции. Золотые прожилки на стенах больше не пульсируют. Они едва тлеют, как угольки в потухшем костре.

Нервные узлы корабля не горят, а светятся серой болью.

Но это не самое страшное.

Самое страшное — я вижу, куда делась его энергия.

В меня.

«Тристан» влил последние силы в регенеративную капсулу, чтобы восполнить мой баланс. Потому что на корабле закончилась вода. А растения, те самые зеленые листья и воздушные корни, что висели в коридорах, выделяли сок, непригодный для человеческого организма.

Корабль знал это и выбрал меня.

— Дурак, — шепчу я, и голос предательски дрожит. — Ты же теперь металлолом, Тристан. Ты должен думать о себе. Ты же легенда.

В ответ я улавливаю едва заметную вибрацию под ладонью. Как будто корабль улыбнулся и сказал: «Ты важнее».

А еще я вижу, что характер корабля и барсийца один на двоих. За это время они словно слились в одно целое.

Я обращаю ментальный взгляд к барсийцу.

Он лежит рядом и выглядит как выключенный двигатель. Никаких эмоций, никаких чувств, работают только базовые функции.

Нити, что связывают его с «Тристаном», истончились до паутины.

Корабль и он отдали почти все, чтобы привести меня в чувство. И теперь они оба висят на волоске.

— Ну уж нет, — говорю я вслух. — Я не для того врала патрулю про жениха, чтобы вы оба скопытились в ближайшие полчаса.

Я делаю глубокий медленный вдох. Тело еще не отошло

от отката, но вода от капсулы сделала свое дело — горло не дерет, голова не кружится, и дар отзывается где-то в солнечном сплетении теплым комком.

Я закрываю глаза и сосредотачиваясь на своем пульсе. Делаю его ровным и размеренным, словно метроном, который задает тон всему оркестру.

Потом я посылаю эту волну хвостатому. Делаю это осторожно, чтобы не навредить. Это ритм жизни — самый сложный в палитре моего дара.

И самый откатный.

Что потом будет со мной? Надеюсь, «Тристан» сможет долететь до ближайшей станции, иначе нам всем конец. Фактически выбора нет. Патруль уже улетел, а встретить случайно следующий — один шанс на миллион.

Первая волна проходит сквозь барсийца. Вторая, третья, четвертая. Вплетать насильно ритм жизни в другого — задача не из легких, но я стараюсь синхронизировать биение наших сердец.

И чувствую, как силы начинают покидать меня.

Да что ж это такое? Что за замкнутый круг?

И тут вдруг хвост барсийца обвивает мою талию, и мне становится легче.

Я не знаю почему. Не понимаю, как это работает, но, как говорил мастер Моргоно, когда обучал меня ремеслу биомеханики: «Золотая истина одна — если работает, не трогай».

Через барсийца я чувствую в сто раз лучше, будто он уси-

ливает мое ментальное зрение в разы. И когда я посылаю ритм жизни «Тристану», то в ответ чувствую каждую трещину корпуса, каждое короткое замыкание, каждый перебитый нерв.

Я ощущаю каюты, которые «Тристан» превратил в оранжереи, чтобы выжить. И я начинаю выравнивать ритм корабля.

Медленно и аккуратно, не перебивая его старый ритм, а помогая ему измениться. Действую словно танцор, который учит партнера двигаться в такт.

Удар.

Пауза.

Удар.

Пауза.

Золотые прожилки на стенах капсулы начинают едва заметно теплеть. Сначала я думаю, что мне показалось. Но через минуту они уже слабо и неровно пульсируют.

Я чувствую, как корабль начинает подхватывать мой ритм. Не копировать, а именно подхватывать, как музыкант, который услышал мелодию и вступает на втором такте.

Тепло разливается по нервным узлам.

Короткое замыкание слева гаснет, и я чувствую, как «Тристан» перенаправляет энергию в обход поврежденного участка.

Белый дым над листвой в коридорах медленно рассеивается, и растения оживают, втягивают влагу из воздуха и на-

чинают выделять чистый кислород.

— Давай, — подбадриваю я. — Ты можешь.

И «Тристан» отвечает.

Корабль вздрагивает, и я слышу, как глубоко внутри, в недрах биомассы, его мышечное сердце делает полноценный и сильный удар.

Золотые нити, ведущие к барсийцу, вспыхивают ярче, и меня выкидывает из ментала. Я вижу, как он резко открывает свои желтые глаза.

Никакого моргания, никакого привыкания к свету — просто пустота превращается в два горящих желтых фонаря, и в них нет ничего, кроме тьмы и голода.

Я не успеваю испугаться, потому что он двигается быстрее, чем мои нервные импульсы успевают дойти до мышц.

Один рывок — и я лежу на спине, прижатая к мягкой поверхности капсулы. Его руки по обе стороны от моей головы, словно прутья золотой клетки. Его горячее, твердое и тяжелое тело нависает сверху.

— Хвостатый, полегче! — Мой голос срывается.

Он не слышит или не хочет слышать. Его зрачки расширены, затопив радужку чернотой. В них нет узнавания. Нет разума. Только запах. Только тепло. Только голод.

Глава 9

— Эй! — Я толкаю его в грудь. — Очнись.

Он наклоняется ко мне еще ниже, абсолютно не обращая внимания на мой удар. И я понимаю, что сейчас он живой инстинкт и ни капли разума.

Он медленно трется носом о мою шею и вдыхает мой запах так глубоко, что у меня мурашки по коже.

— М-м-м, — вырывается из его груди низкий протяжный звук.

Этот рык такой звериный и взывающий к моим инстинктам, что я цепенею. Он отзывается во мне жаром и охлаждающими мурашками одновременно.

— Прекрати, — пытаюсь сказать твердо, но голос подводит.

Его губы находят мою ключицу, и я вжимаюсь спиной в капсулу, но отступать некуда — под спиной мягкая обшивка, над головой крышка. Мы заперты вдвоем в этой тесной капсуле, и его хвост уже обвивает мою талию, притягивая ближе.

По моему телу проходит странная волна жара, которая плавит мышцы и подкидывает в голову провокационные картинки. Пробуждает желания выгнуться, поддаться, расслабиться, и я встряхиваю головой, чтобы не соблазниться ими.

Барсиец сейчас не в себе после возвращения с того света.

Еще не хватало отдаться ему вот так.

Он целует меня в плечо, оставляя обжигающий след на коже, а потом снова поднимается к шее и едва сжимает зубами кожу — не больно, но весьма ощутимо.

— Ох, — вырывается у меня помимо воли.

Тело реагирует раньше, чем мозг успевает приказать ему не реагировать.

Я должна оттолкнуть его. Должна. Он не в себе. Он даже не понимает, что делает.

Может, у барсийцев есть какая-то программа размножения при угрозе жизни? Или я ему что-то не то простимулировала своим ритмом?

И тут его ладонь скользит под мою майку и ложится на голый живот. Я чувствую, какая она большая, горячая и шершавая. И у меня перехватывает дыхание.

— Стой! — Я хватаю его за запястье. — Остановись.

Он поднимает голову и смотрит на меня взглядом, полным желтого пламени. Там, глубоко внутри, мне чудится искра сознания.

— Лида, — выдыхает он.

Конечно, он знает мое имя, ведь охотился на меня. Но я все равно не ожидала услышать его от хвостатого, тем более таким тоном.

Он своим голосом словно зовет меня совершить безумие. Провоцирует.

Наклоняется и выдыхает в мои губы:

— Хочу…

Он не договаривает и целует так голодно и властно, без разрешения, что я на секунду опешиваю. А потом он низко стонет, и мое тело будто плавится от этого звука.

Мои пальцы вцепляются в его волосы. Я не помню, когда принимала это решение, мое тело выбрало само, что делать.

Я чувствую себя импульсом, порывом страсти. Да что со мной происходит?

Он прижимает меня к себе так, что между нами нет ни миллиметра. Его хвост скользит выше, под лопатки, приподнимает меня, выгибая навстречу.

Он целует подбородок, шею, спускается к груди. Туда, где под тонкой тканью бешено колотится сердце.

— Хвостатый, — шепчу я, — не надо. Мы потом пожалеем.

— Нет, — рычит он мне в ключицу.

Его бедра прижимаются ко мне, и я чувствую, насколько он готов и насколько сильно его желание. Не соврал!

Мой позвоночник на секунду каменеет, а внизу живота разливается что-то горячее и тягучее. Я понимаю, что еще секунда — и я соглашусь на все. Более того, я сама возьму все, что хочу.

Но это неправильно. Он не в себе. Им управляют его инстинкты. Если сейчас это случится, как нам двоим тут быть?

— Прости, — шепчу я. — Прости, хвостатый.

Я закрываю глаза и ныряю в ментал, чтобы остановить все

это безобразие. Сейчас как крякну его успокаивающей волной — мигом разоружится.

Но я тут же выныриваю из ментала, потому что рука барсийца по-хозяйски ложится мне между ног, а пальцы мгновенно находят ритм моего удовольствия.

Он так чувствует мое тело, словно мы были любовниками на протяжении долгих лет. Ни одного промаха — только нарастающее удовольствие, возводящее меня на вершину с каждым движением его пальцев.

Выше.

Выше.

Выше.

Ярче.

Сильнее.

Быстрее.

Да-а-а!

Мир взрывается искрами. Я выгибаюсь дугой, впиваясь пальцами в его плечи, и меня накрывает горячей пульсирующей волной. Она идет откуда-то из глубины, от самого центра моего естества, и я чувствую, как мои мышцы сжимаются вокруг его пальцев.

Удовольствие настолько сильное, что я им словно оглушена. И понимаю одно: я кричу. Этот громкий, бесстыдный и полный наслаждения звук вырывается из моей груди.

А я никогда себя так не вела. Впрочем, никто никогда не доводил меня до такого состояния, до такой вершины удо-

вольствия.

Я смотрю в желтые глаза хвостатого, а он даже не моргает. Словно не хочет пропустить ни единого мгновения моего кайфа.

И когда волны идут на спад, я шепчу как комплимент:

— Хвостатый…

— Ашер, — поправляет он меня.

Я чувствую, как его пальцы замедляются, гладят меня сквозь влажную ткань. Тело все еще пульсирует, сокращается, и каждый толчок отдается тупым удовольствием где-то внизу живота.

Я тяжело дышу и чувствую, что его сердце бьется так же бешено, как и мое.

И тут вдруг резкий толчок, заполняющий всю меня, заставляет вскрикнуть.

Глава 10

Я чувствую, как он входит в меня. Резко. Глубоко. Один толчок — и я полностью заполнена им.

Из легких выбивает воздух. Я впиваюсь пальцами в его плечи, выгибаюсь дугой, и из моей груди вырывается хриплый прерывистый стон.

Он замирает внутри меня на секунду. Только на секунду. Я чувствую, как он пульсирует во мне, как его мышцы дрожат от напряжения. Как его хвост сжимает мою ногу до грани боли.

Боже. Какой он большой. Какой горячий. Я чувствую каждый миллиметр его внутри себя. Он заполняет меня так, будто я создана для него. Будто мое тело ждало его все это время.

А потом он начинает двигаться.

Жестко и ритмично. Каждый толчок глубже предыдущего, и я теряюсь в этом ритме. Мир сужается до одной точки — до него. До его жара, его запаха, его веса, который прижимает меня к мягкой поверхности капсулы. Я чувствую, как его мышцы перекатываются под моими ладонями, как капли пота падают на мою грудь.

Я не могу дышать. Не могу думать. Только чувствовать.

Его хвост сжимает мою ногу, приподнимает бедро, меняет угол проникновения, и я вскрикиваю, потому что он каса-

ется того самого места, от прикосновения к которому темнеет в глазах. Волна удовольствия пробегает по позвоночнику, разливается внизу живота горячим тягучим теплом. Я чувствую, как мои стенки сжимаются вокруг него, пульсируют в такт его движениям.

Что он со мной делает? Я никогда не чувствовала себя такой… открытой. Такой живой. Каждое его прикосновение — как удар тока. Я таю. Я сгораю. Я хочу еще.

— Ашер… — выдыхаю я.

Он не отвечает. Только издает низкий гортанный стон, и я чувствую, как вибрация этого звука проходит сквозь меня, отзывается где-то глубоко внутри.

Он смотрит на меня. Его золотые глаза горят в полумраке, и в них нет слов. Только желание. Только тьма и голод. Только я.

Но я вижу там кое-что еще. Там, глубоко внутри, едва мерцает искра. Его сознание пытается пробиться сквозь туман инстинктов. Он борется. Ради меня.

Он наклоняется и целует меня в шею. Оставляет на коже горячий влажный след, прикусывает, и я вздрагиваю от смеси боли и удовольствия.

Его язык проводит по тому месту, где только что были зубы, и я чувствую, как по телу пробегает дрожь.

— Да, — шепчу я. — Да…

Он ускоряется. Каждый толчок быстрее, глубже, сильнее. Я теряю счет времени, теряю себя. Чувствую, как его дыха-

ние становится хриплым, рваным, как его сердце бьется в такт с моим. Его пальцы впиваются в мои бедра, оставляя следы, и я чувствую, как его хвост скользит выше, обвивает мою талию, притягивает меня к нему еще плотнее.

Между нами нет ни миллиметра. Ни секунды сомнения. Только он. Только я. Только это.

— Сильнее, — выдыхаю я.

Его рука ложится на мое бедро, приподнимает его выше, и он входит в меня под другим углом. Глубже и почти болезненно. Наполняет меня.

Создается ощущение, что именно это я искала всю жизнь и не знала об этом. Я чувствую, как он касается моего самого центра, самого чувствительного места, и внутри меня все сжимается в тугой узел.

Неужели опять?

Выгибаюсь ему навстречу, впиваясь ногтями в его спину. Ощущаю, как под моими пальцами перекатываются его мышцы, как он напряжен, как сдерживает себя. Он снова стонет, низко, хрипло, и этот звук прошивает меня насквозь. Я чувствую, как вибрация его стона отдается во мне, поднимается выше, к самому пику.

— Лида…

Единственное слово. Мое имя. Он произносит его как заклинание, как молитву. И в этом слове я слышу все. Его боль. Его одиночество. Его надежду. Я слышу, как он приходит в себя. Как сознание пробивается сквозь тьму. Как он узнает

меня.

И чувствую, как внутри нарастает волна.

Я сжимаюсь вокруг него, и он замирает на секунду. Дрожит. Я чувствую, как он борется с собой, как его тело вибрирует от напряжения. Его глаза расширяются, зрачки заливают желтую радужку чернотой.

Я чувствую, как во мне поднимается волна удовольствия, переполняет, готовится выплеснуться наружу. Я смотрю в его глаза и вижу только желтый огонь.

Он напрягается, содрогается, и волна накрывает нас одновременно. Я чувствую, как он пульсирует.

Мир взрывается искрами, я выгибаюсь дугой, впиваясь пальцами в его плечи, и меня накрывает свое удовольствие. Мой крик тонет в его поцелуе.

А потом он переворачивается на бок, обнимая меня, а после на спину вместе со мной. Так и не выходя.

Сквозь стекло капсулы я вижу, как обшивка «Тристана» горит желтым светом жизни. Дыхание Ашера же становится глубоким и ровным.

Мне нужен душ. Он здесь есть?

Я нехотя отрываюсь от теплого тела Ашера и приподнимаюсь на руках. Открываю капсулу, сажусь и кошусь на барсийца.

Он крепко спит. Надо же!

— Тристан, тут есть душ?

— Благодаря энергетическому выбросу флора корабля

может выделить несколько литров воды.

Как хорошо! Я попью и смогу привести себя в порядок.

— Тристан, покажи, куда идти.

Крохотный росток лианы отделяется от зеленой обшивки медотсека и на воздушных корнях начинает двигаться по коридору.

— Ничего себе проводник. — Я иду за росточком к двери, потом направо по коридору, а после в небольшое помещение, напрочь заросшее зеленью.

Оно размером не более восьми квадратных метров, и сквозь листву едва угадываются лейка, раковина и шкафчик с утилизатором биоотходов.

И в стеклянной чаше я вижу воду.

— Спасибо! Настоящее спасение!

— Вода здесь равна жизни, — говорит «Тристан».

И я понимаю, насколько она ценная. Неужели это наша близость так помогла кораблю?

Мне немного неудобно и нервно думать о том, что было между нами. Я быстро привожу себя в порядок, используя минимум воды, которая тут же уходит в стоки. Нахожу чистое, но выцветшее полотенце и обтираюсь.

— Запасная одежда есть на нижней полке.

Я раздвигаю зелень и достаю штаны и футболку, больше напоминающие универсальные пижамы, которыми всегда полон медотсек туристических крейсеров. Я даже нахожу логотип известной компании на груди.

Похоже, «Тристан» с Ашером бывали в разных местах и выживали по-всякому. Неужели у них такой враг, что даже за помощью нельзя было обратиться?

Я возвращаюсь в медотсек в раздумьях и с удивлением обнаруживаю абсолютно пустую капсулу.

Ашер уже проснулся? Что теперь будет между нами?

Я осторожно иду по коридору, петляю, пока не нахожу капитанскую рубку. Он стоит за панелью управления и что-то быстро набирает на ней. Я замираю на пороге.

Мы же должны друг другу что-то сказать? Между нами недавно была близость. Как теперь изменятся наши отношения?

— Лидия, я не ошибся в тебе. Не знаю, что ты сделала, но «Тристан» давно не был в такой форме. Впрочем, как и я.

Не знает, что я сделала? Как это?

Глава 11

Я стою в дверях рубки, и его слова повисают в воздухе ледяным облаком.

Он не знает. Он не помнит.

Я смотрю на Ашера. Он стоит ко мне спиной, сосредоточенно водит пальцами по пульсирующей панели, и внутри меня что-то обрывается с таким звуком, будто лопнула самая важная струна.

Он не помнит, как его хвост впервые коснулся моей спины, выписывая на коже вензеля, от которых у меня подкашивались колени. Не помнит, как целовал мои губы — жадно, голодно, без разрешения. Не помнит, как его пальцы нашли ритм моего удовольствия раньше, чем я успела сказать нет. Не помнит, как он входил в меня и я теряла голос в беззвучном крике, потому что он заполнил меня до краев.

Он просто встал. Оделся. Вернулся к работе. Даже не оглянулся на капсулу, где все произошло.

Я чувствую, как в груди разрастается что-то липкое, холодное и тяжелое. Обида? Разочарование? Уколотое самолюбие? Или просто боль оттого, что я для него функция, а не женщина?

Я сжимаю пальцы в кулак так сильно, что ногти впиваются в ладонь. Легкая боль помогает не разреветься.

Это раздражает. Нет, бесит. После всего, что было между

нами, разве можно просто встать и уйти как ни в чем не бывало?

— Лидия? — Он поворачивается, и в желтых глазах мелькает настороженность. — Ты что-то бледная.

Я сглатываю. Горло дерет, как будто я проглотила наждачную бумагу. Мне хочется стукнуть его по этой идеальной квадратной челюсти. Или прижаться к нему и спросить: «Ты помнишь, как я кричала твое имя? Ты помнишь, как твое сердце билось в такт с моим? Ты помнишь, как я чувствовала тебя внутри?»

Но вместо этого выдавливаю улыбку. Ту самую, дежурную, которой я прикрываюсь на работе, когда начальник орет на меня за сорванный дедлайн.

— Все в порядке, — говорю ровным тоном. — Просто думаю, как вы вообще выживали все эти годы без воды и еды.

Он чуть прищуривается. Его вертикальные зрачки сужаются, сканируют меня. Кажется, мой тон его не убедил, но он решает не копать. И от этого мне становится еще обиднее.

— «Тристан» умеет мимикрировать, — говорит он, возвращаясь к панели. — Мы меняем сигнатуру, корпус, даже гравитацию на борту, если нужно. На станции нас примут за старый грузовой транспорт. Запасов воды и еды нам хватит на неделю, если пополнимся сейчас. В критической ситуации помогает флора корабля.

— А если не пополнимся?

Он смотрит на меня с легкой усмешкой. Впервые в его

взгляде появляется что-то человеческое, почти теплое. И мое сердце предательски пропускает удар.

— Тогда ты будешь меня есть, — говорит он абсолютно серьезно. — Я большой. Меня хватит надолго. Правда, по поводу вкуса не подскажу.

Я открываю рот, чтобы возмутиться, но вместо этого фыркаю и сама не замечаю, как улыбаюсь. Эта его барсийская прямота обезоруживает. И в груди вдруг становится легче, хотя я знаю, что не должна позволять ему этого.

— Ты невыносим, — говорю я.

— Я знаю, — отвечает он и снова отворачивается. — Тристан, запускай маскировку. Идем на станцию Лакрос.

Я подхожу к иллюминатору. За прозрачным металлом обшивка «Тристана» начинает переливаться, менять цвет и фактуру. Золотые прожилки тускнеют, исчезают под слоем серого сплава. Зелень в коридорах сворачивается, прячется внутрь переборок. Даже воздух становится суше, стерильнее, как в тысячах стандартных кораблей, бороздящих космос.

И это мой дар и ритм дал силы сделать это. И то, что произошло между нами с Ашером, о чем он не помнит.

Если я во время близости помогла ему своим даром ритма и сама этого не заметила, то где откат?

Ашер подходит и встает рядом.

— «Тристан» становится совсем другим, — тихо говорю я.

— Нам нужно было выжить. — Голос Ашера звучит с хрипотцой. — Двадцать лет мы прятались. Меняли имена, миры, облики. Враги были везде. Но «Тристан» всегда помнил, кто он. И я тоже. Мы не сдались, потому что нам нужно спасти свой народ. Барса под угрозой и даже не знает об этом. Мы спасали ее сотню раз за эти двадцать лет, как невидимая стража.

Я оборачиваюсь и смотрю на него. Он стоит у панели, огромный, напряженный, пальцы сжимают край стола так, что костяшки белеют. В каждой линии его тела сквозит усталость. Такая глубокая, что ее не скрыть никакой маскировкой. Он не показывает этого никому, но я вижу. Или чувствую своим даром? Не знаю.

— Ашер, — говорю я мягче, чем планировала, — кто вас преследует?

Он замирает. Молчит так долго, что я уже думаю, он не ответит.

— Враг, — говорит он обтекаемо. — Тот, кто разжег войну. Кто хотел уничтожить всех барсийцев. «Тристан» хранит доказательства, но мы не можем передать их Альянсу, потому что враг контролирует информационные каналы. Мы словно призраки, которые не могут говорить и которых не видят.

— А передать доказательства нельзя?

— Я пробовал три раза и все три раза нарывался на скрытых предателей. Теперь нам нужно вернуть истинный облик

«Тристана», полностью восстановить его, и тогда мы сможем вернуться на Барсу и вручить доказательства лично главнокомандующему.

— Поэтому вы живете как тени?

— Да. — Он поворачивается ко мне, и я вижу в его взгляде что-то, от чего у меня сжимается сердце. — Двадцать лет я не знал, что такое нормальная жизнь. Двадцать лет я так хорошо себя не чувствовал, как после твоего воздействия.

Я сглатываю. В груди разливается горячее тепло, но я тут же одергиваю себя. Стоп, Лида. Он же не помнит. Он говорит не о том, что случилось в капсуле. Он говорит о моем даре, о помощи, которую я оказала. Я для него словно спасательный круг, а не женщина, которую он держал в объятиях.

— Я просто делаю свою работу, — говорю сухо. — Я биомеханик. Ты же для этого меня украл?

Ашер останавливается. В его глазах мелькает что-то странное, но он просто кивает.

И это бесит еще больше.

— Отдохни, — говорит он. — До станции несколько часов. «Тристан» покажет тебе каюту.

Я киваю и выхожу из рубки. Шаги гулко отдаются в пустом коридоре, и только листва гасит звук шагов. Я чувствую, как стены «Тристана» пульсируют слабо, но ровно. Он пока держится.

Но по пути мне в голову приходит мысль, от которой по коже бегут мурашки.

А что, если он все помнит? Что, если он просто притворяется, чтобы не ставить меня в неловкое положение? Чтобы не связывать меня с собой? Чтобы дать мне свободу выбора, которой я не просила?

Или, наоборот, чтобы проверить мою реакцию? Проверить, нужна ли я ему, или он мне?

Я останавливаюсь в коридоре и прижимаюсь спиной к пульсирующей стене. Тепло разливается по лопаткам, и я закрываю глаза.

— Тристан, — шепчу я, — ты ведь знаешь, что произошло в медотсеке?

Глава 12

Корабль дрожит. Легкая вибрация бежит по стенам, и я чувствую смущение. Да, именно смущение. «Тристан» умеет говорить языком ритма, и сейчас его пульс становится неровным, будто он не знает, как ответить.

— Я все знаю, — раздается тихий голос «Тристана», почти человеческий. — Но Ашер — нет.

Я закрываю глаза.

Что ж, хотя бы за ясность спасибо.

— Но как? — Мой голос срывается. — Как он может не помнить? Он был в сознании. Он смотрел на меня. Он называл меня по имени. Он…

— Он был в пограничном состоянии. — Голос «Тристана» звучит виновато, как будто он просит прощения. — После того как ты в первый раз выровняла его ритм, его тело восстановилось, но сознание… он был на грани смерти, Лидия. Его мозг отключил часть воспоминаний, чтобы сохранить жизненно важные функции. Он помнит, что ты была рядом. Помнит, что ты помогла. Но то, что произошло между вами… Это стерлось, как сон, который уходит сразу после пробуждения.

Я медленно сползаю по стене на корточки. Вот уж не думала, что меня это так подкосит, но как же мне плохо от этого. Это был самый крутой кекс в моей жизни, а Ашер даже

не знает, что было между нами.

Ну как так?

«Тристан» вдруг говорит:

— Возможно, его тело помнит. Его сердце бьется быстрее, когда ты рядом. Его руки тянутся к тебе, даже когда он не отдает себе в этом отчета. Его хвост обвивает твою ногу, когда он забывается. Он не помнит разумом, но его тело помнит тебя.

— Этот хвост тянулся ко мне еще до… До того самого. Ну, ты понял.

Я поднимаю голову. В глазах начинает щипать, но я не плачу. Не сейчас.

— Расскажешь ему? — спрашиваю у «Тристана».

И даже не знаю, чего хочу больше — чтобы он сказал или чтобы молчал.

— Я не имею права. Это только ваше дело.

Я чувствую ложь корабля и удивленно встаю на ноги. Первый раз встречаю такое у биомеханики. Это что-то новенькое!

Интересно, почему «Тристан» врет?

В груди поднимается что-то огромное, горькое и сладкое одновременно. Ладно, это пока не мое дело. Я выяснила, что Ашер не притворялся, не проверял меня и не играл. Он просто потерял воспоминания, как потерял бы любой другой кусок памяти, который его мозг счел неважным.

Но «Тристан» сказал, что его тело помнит.

Когда он смотрит на меня, его руки тянутся ко мне. Когда я рядом, его дыхание становится глубже. Когда я улыбаюсь, он улыбается в ответ, даже не понимая почему.

Он не помнит меня разумом. Но его душа помнит. Его инстинкты помнят. И это одновременно разрывает меня на части и заставляет верить, что все не зря.

— Идиот, — шепчу я. — Настоящий хвостатый идиот.

«Тристан» согласно гудит в стенах. Я чувствую, как по коридору пробегает легкая вибрация, будто корабль стремится поддержать меня.

Я иду в каюту, которую он показывает. Узкая койка, тусклый свет, стены, покрытые тонким слоем зеленого мха. Падаю на койку и смотрю в потолок. Пальцы сами тянутся к губам, туда, где сохранился вкус поцелуя. Тело хранит память о его прикосновениях, о его жарком дыхании, о тяжелом весе, прижимавшем меня к мягкой поверхности капсулы. Я помню все, а он — до обидного ничего.

Я решаю для себя: помогу им еще немного. До станции. А потом уйду. Скажу, что выполнила свою задачу, и вернусь в свою обычную жизнь. Я не могу смотреть в его глаза, зная, что произошло между нами, и понимать, что он не помнит ни секунды. Это слишком больно. Слишком.

Я хочу быть с ним. Но если он не помнит меня, может, оно и к лучшему? У него великая миссия, дело жизни и смерти. А я так… помощник на его пути, о котором он тут же забудет.

Я повторяю это себе как мантру, пока мы готовимся к стыковке.

Станция встречает нас гулом и суетой. Она похожа на космическую крепость на границе обитаемого пространства, где правила пишутся на лету, а вопросы задают, только если есть желание получить пулю в лоб.

Я иду за Ашером как тень. Он держится слишком близко ко мне для случайного попутчика. Его хвост почти касается моей спины, напряженный и готовый к атаке. Я вижу, как он сканирует толпу — проверяет углы, оценивает лица, держит оборону. Он делает это явно на автомате.

Но есть и другое. Его рука ложится на мою поясницу, когда он направляет меня в сторону магазина. Легкое, почти невесомое касание, но я чувствую его сквозь плотную ткань костюма. Он убирает руку, когда кто-то проходит мимо, и снова кладет, когда мы останавливаемся у стеллажей.

Он защищает меня даже в мелочах. И я молчу, потому что это ощущение его ладони на моей спине стоит дороже любых гордых слов.

Мы берем стандартные пайки, воду и медицинские наборы. Я добавляю шоколадку и вопросительно смотрю:

— Как будешь оплачивать?

Он одобрительно хмыкает. На его лице появляется мягкое выражение, и у меня создается ощущение, что оно только для меня. Уголки его губ поднимаются, а в желтых глазах зажигается искра. В ответ в моей груди разливается тепло.

Я еще не сказала ему, что мы сейчас расстанемся. Грудь сжимает железными тисками.

А потом мы слышим громкий голос, от которого Ашер мгновенно подбирается. Я чувствую, как он напрягается всем телом. Хвост жестко обвивается вокруг моей талии и дергает меня в сторону, заслоняя собой.

Глава 13

— Капитан Ашер, — раздается мужской голос. Холодный, властный. — Последний из рода Рошэ. Я вас приветствую… и задерживаю.

Я поворачиваю голову и вижу высокого мужчину в черной форме Альянса с золотыми нашивками. Он стоит в десяти метрах от нас, заложив руки за спину, и улыбается. Улыбка у него как у хищника, который уже загнал добычу в угол и теперь наслаждается моментом. Никакого тепла. Никакой человечности. Только холодный расчет и предвкушение.

— Отойдите от гражданской, — говорит он, делая шаг вперед. — Нам нужно поговорить, капитан. Без свидетелей.

Ашер заслоняет меня собой полностью. Я вижу только его широкую спину, напряженные плечи и край черной формы незнакомца. Воздух вокруг становится плотным, тяжелым, как перед грозой. Я чувствую, как Ашер переводит дыхание, как его мышцы под формой каменеют, готовясь к броску.

— Она ни при чем, — рычит Ашер. Голос низкий, вибрирующий, почти звериный. — Отпусти ее.

— Вот именно, капитан. — Незнакомец делает мне рукой жест, чтобы я отошла. — Нам не нужны жертвы среди гражданских, верно? Мы цивилизованные люди. Девушка, отойдите в сторону. Я не хочу причинять вам боль.

Я делаю шаг в сторону. Не потому, что боюсь. А потому,

что вижу, как Ашер едва заметно кивает, словно говорит: «Доверься мне».

И в ту же секунду он хватает меня за руку и срывается с места.

Я даже не успеваю понять, что произошло. Между стеллажами, где мы только что стояли, раздается взрыв. Грохот такой силы, что закладывает уши, а воздушная волна швыряет меня вперед. Я слышу, как за спиной падают металлические конструкции, как визжит сигнализация и кто-то кричит.

Мы выбегаем из здания. Солнечные лампы станции слепят глаза. Сзади раздаются топот, крики, стрельба. Я слышу, как пули свистят мимо уха, как они вгрызаются в стены рядом с нами.

И тут незнакомец в форме Альянса снова преграждает нам путь. Он стоит в конце прохода, перекрывая выход. Как он оказался там раньше нас?

— Капитан, вы меня разочаровываете, — говорит он, и в его голосе появляется насмешка. — Я думал, у вас есть честь. А вы просто убегаете, как трус.

Ашер толкает меня в промежуток между двумя магазинами. Сильно, но не больно. Я влетаю в щель между контейнерами и падаю на колени. А он разворачивается к врагу.

И мгновенно переходит в боевую форму. Его плечи расширяются, спина выпрямляется, черная форма натягивается на мышцах, которые словно наливаются сталью. Чешуя на хвосте начинает светиться золотом, глаза вспыхивают жел-

тым пламенем, а клыки удлиняются.

Он выглядит как бог войны. Как машина для уничтожения. Как тот, кого боятся даже монстры.

Его хвост обвивает грудь альянсовика с такой скоростью, что я не успеваю моргнуть. Я слышу, как хрустят ребра врага. Как тот сдавленно выдыхает от неожиданности.

— Ты думал, я забыл? — рычит Ашер, наклоняясь к самому лицу врага. — Двадцать лет я ждал встречи с вами. Я помню каждое лицо.

Но альянсовик усмехается. И вдруг меняется.

Его лицо вытягивается, становится голубым, почти прозрачным. Глаза заливаются белесой пустотой. Тело истончается, становится гибким, змеиным. И он выпускает ослепительно-белый электрический разряд.

Хвост Ашера разжимается, враг выскальзывает из захвата, и я вижу, как мышцы барсийца судорожно сокращаются от удара током.

— Ашер! — кричу я.

Но он не теряется даже в такой ситуации — хватает металлический указатель, срывает его и одним движением прошивает им врага насквозь. Через грудь прямо в центр той голубой плоти.

Голубая жидкость шлепается кляксами на стену. Враг застывает, открывает рот, но не успевает сказать ни слова. Его тело обмякает, теряет форму, превращаясь в бесформенную лужу.

Все происходит так быстро, что я не успеваю сообразить, что делать. Даже о своем даре ритма подумать не успеваю. Мое ментальное зрение включилось бы позже, чем закончилась схватка.

Ашер оказывается сверху. Он прикрывает меня собой, и я слышу, как над головой что-то свистит. Взрыв. Еще один. Стена справа от нас осыпается осколками, и я чувствую, как Ашер содрогается, принимая удар на себя.

Глава 14

— Идем, — говорит Ашер хрипло.

Он встает, поднимает меня за руку, и я вижу голубую жидкость, стекающую по его щеке. Вражеская кровь. Или то, что у них вместо крови. Он вытирает ее тыльной стороной ладони, не обращая внимания.

— Что это было? — шепчу я, бегом следуя за ним.

— Потом, — бросает он.

Мы несемся по темным проулкам станции. Вокруг гул, сирены, крики. Я бегу за ним, не задавая вопросов, постоянно оборачиваясь, ожидая нового удара, новых пуль, нового врага.

Ашер сворачивает за угол, и я вижу «Тристана».

Он стоит в грузовом отсеке — серый, неприметный, мимикрирующий под старый транспорт. Никто не обратил бы на него внимания. Но я узнаю его по едва заметному золотому свечению, которое пробивается сквозь маскировку.

Еще никогда я не ощущала такого облегчения!

Мы вбегаем внутрь. Шлюз закрывается за нами с глухим лязгом. Я падаю на колени, тяжело дыша, и смотрю на Ашера.

— Кто это был, Ашер?

Он прислоняется к стене. Я вижу, как дрожат его руки. Как на лбу выступает пот. Удар током не прошел бесследно.

— Враги, — говорит он коротко. — Те, о ком я говорил. Их называют синими. Они не люди. Они — паразиты. Вселяются в тела, принимают облик. Уничтожили мой род. Охотятся на «Тристана» и на меня, потому что только мы знаем правду о них.

— Они от Альянса?

— Где ты видела, чтобы кто-то из Альянса так менял форму и бил током? — Ашер криво усмехается, но в глазах боль утраты. — Они управляют Альянсом изнутри. Двадцать лет я пытаюсь доказать это. Но они всегда на шаг впереди.

Он отталкивается от стены и подходит к аварийной лестнице. Подсаживает меня, заставляя забираться внутрь. Трап он не вызывает — нет времени. Мы карабкаемся по аварийной лестнице, и я чувствую, как его руки напряжены, когда он подталкивает меня вверх.

— Быстрее, — торопит он. — Они уже знают, что мы здесь.

Я забираюсь внутрь, и он следом. Закрывает шлюз. На мгновение наступает тишина, только гул станции снаружи и наше дыхание.

А потом — толчок.

Я падаю на пол, потому что корабль дергается, как живое существо. Удар. Еще один. В корпус. «Тристан» вздрагивает всем телом, и я чувствую это каждой клеткой, потому что его ритм вплетен в меня после того, что было в медотсеке.

«Тристан» стонет. Я слышу его ментальный крик, полный

боли. Золотые прожилки на стенах, которые только начали восстанавливаться, гаснут одна за другой, словно свечи, задутые ветром. Воздух в коридорах становится ледяным и мертвым. Зелень, которая еще минуту назад дышала, сворачивается, чернеет, осыпается на пол сухими листьями.

Я чувствую, как «Тристан» пытается удержать равновесие, но его сердце в недрах биомассы бьется все реже.

— Тристан! — кричу я.

Но он не отвечает.

Ашер хватает меня за руку и втаскивает в капитанскую рубку. Я вижу его лицо — оно осунувшееся, бледное, под глазами залегают черные круги. Он плюхается в кресло, закрывает глаза и подсоединяется к кораблю.

Я перехожу на ментальное зрение и вижу золотые нити между ним и «Тристаном». Они вспыхивают, наливаются силой, и Ашер буквально переливает себя в корабль. Отдает свою энергию, свои силы, свою жизнь, чтобы удержать нас в космосе.

На стенах корабля загораются желтые прожилки. «Тристан» заводит двигатели. Мы взлетаем.

Я падаю на пол, потеряв равновесие, и смотрю на профиль Ашера. На его сжатые челюсти. На руки, которые стискивают подлокотники так, что кожа трещит. На его закрытые глаза, под которыми все глубже залегают тени.

Так вот как выглядит их связь!

Все мои труды по их восстановлению пошли насмарку от

одного удара. Все, что я делала: выравнивала ритм, вливала энергию, заставляла сердце «Тристана» биться ровнее — все это уничтожено одним снарядом.

Я закрываю глаза и ныряю в ментал.

«Тристан» истекает энергией. Золотые нити, связывающие его с Ашером, истончились до прозрачности. Я вижу, как Ашер отдает себя, каждую клетку, каждую каплю, но этого недостаточно. Корабль слишком сильно поврежден. Биомасса разрушена на восемьдесят процентов. Двигатели работают на пределе. Сердце бьется в агонии.

И я понимаю: они не выживут. Не в этот раз.

Ашер открывает глаза. Он смотрит на меня, и я вижу в них тоску. Такую глубокую, что у меня перехватывает дыхание.

Глава 15

Мое сердце готово расколоться на тысячу осколков.

Он не помнит, что было между нами в медотсеке. Не помнит, как его хвост выписывал вензеля на моей спине. Не помнит, как его пальцы находили ритм моего удовольствия. Не помнит, как я кричала его имя, когда он вошел в меня. Ничего. Абсолютно ничего.

Но он защищает меня. Он отдает себя до последней капли, до последней клетки, до последнего удара сердца.

Почему?

Потому что я биомеханик, которого он украл, и от меня зависит его жизнь? Или тут кроется что-то другое?

Не знаю, но я не могу позволить ему умереть. Не сейчас. Не после всего, что было между нами.

— Ашер, — я подхожу ближе, и мой голос звучит тверже, чем я себя чувствую, — отключись от «Тристана» хотя бы на секунду.

— Не могу, — хрипит он. — Если я отключусь, он упадет. Мы разобьемся. Я чувствую, как он истекает. Если я отпущу его, он умрет. И я умру вместе с ним.

Я вижу, как его пальцы судорожно сжимают подлокотники, как на лбу выступает пот, как под глазами залегают черные тени. Он на пределе. Он уже давно на пределе. Он просто не сдавался двадцать лет, и теперь, когда появилась я, он

не может позволить себе проиграть.

— Тогда не отключайся, — говорю я. — Но позволь мне помочь.

Я подхожу к нему и опускаюсь рядом с креслом. Кладу руки на его напряженные твердые бедра. Они горячие даже сквозь плотную ткань формы.

— Что ты делаешь? — шепчет он, приоткрывая глаза.

— Хочу попробовать спасти нас.

Я закрываю глаза и ныряю в ментал. Мир вокруг меняется — я вижу золотые нити, связывающие Ашера с «Тристаном». Они истончились до паутины, почти прозрачные, готовые порваться в любой момент. Я вижу сердце «Тристана» — оно бьется редко, слабо, с пропусками. Вижу, как Ашер отдает себя, каждую клетку, каждую каплю, и этого все равно недостаточно.

Я начинаю создавать ритм жизни — уверенный, сильный — и волной посылаю его Ашеру и «Тристану».

Я чувствую, как мой дар работает. Как волны энергии перетекают от меня к нему. Как его пульс выравнивается — сначала чуть-чуть, потом заметнее. Как «Тристан» начинает дышать ровнее. Как золотые нити наливаются слабым светом.

Но этого мало. Этого катастрофически недостаточно.

Открываю глаза и вижу, что золотые прожилки на стенах засветились, но ненадолго. Они снова начинают тускнеть, как угасающие угли.

Сердце «Тристана» бьется чуть сильнее, но все еще слишком слабо, слишком редко. Ашер все еще бледен. Все еще на грани.

Я чувствую, как мои собственные силы утекают — мой дар забирает слишком много. Я отдаю, отдаю, отдаю и вижу, как этого мало. Как капля в пустыне.

— Не выходит, — шепчу я, и голос срывается.

И тут вижу красную надпись, которая мигает на главном экране:

«ДО СТОЛКНОВЕНИЯ С АСТЕРОИДНЫМ ПОЛЕМ: 4 МИНУТЫ 17 СЕКУНД»

Четыре минуты. Всего четыре минуты, чтобы спасти корабль, который разваливается на части, и мужчину, который умирает у меня на руках.

— Четыре минуты, — говорю я вслух в панике. — У нас четыре минуты, Ашер!

Он открывает глаза и говорит:

— Садись в спасательную капсулу. Я открою тебе шлюз. Ты успеешь выбраться.

— Нет! — Я мотаю головой. — Я не могу вас бросить. Должен быть способ помочь.

— Ты должна. — Его голос становится стальным. — Ты не можешь умереть здесь. Я притащил тебя сюда, я же тебя вытащу. Не спорь.

Смотрю в его глаза и вижу в них пугающее спокойствие, словно за эти годы он мысленно умер тысячу раз. И един-

ственное, о чем он переживает, — это чтобы я выжила.

— Ты не знаешь, что я могу, — говорю я, разозлившись. — Ведь ты не помнишь.

Ашер хмурится, но ему трудно сосредоточиться от бессилия.

— Я знаю, что делать. — Набираю полную грудь воздуха. — Я уже делала это. И это сработало.

Ашер не сводит с меня взгляда, и я вижу, что в нем все меньше сознательного.

Внутри меня пламенеет воспоминание, которое я пыталась запрятать глубоко, подальше от боли, подальше от себя. Медотсек. Капсула. Его хвост на моей спине, выписывающий вензеля, от которых у меня подкашивались колени. Его пальцы, нашедшие ритм моего удовольствия раньше, чем я успела сказать нет. Его дыхание на моей шее. Его жар, его тяжесть, его голос, которым он шептал мое имя. То, как он заполнил меня до краев, до самого дна. И тот самый момент взрыва.

Это не дар ритма сработал тогда. Это была близость. Наша связь и энергия. Наше соединение друг с другом не через ментал, а через тела.

И сейчас мне нужно, чтобы он просто позволил мне. Позволил сделать это снова.

Я сажусь ему на колени и обхватываю его лицо ладонями:

— Давай сделаем это снова, герой.

Глава 16

На дисплее красным горит обратный отсчет — у нас есть меньше четырех минут.

И я прижимаюсь к его губам в поцелуе-просьбе, поцелуе-надежде.

Я не хочу умирать. Не хочу, чтобы умер Ашер или погиб «Тристан». И я хочу, чтобы в этот раз он все запомнил.

Вкладываю в этот поцелуй все, что чувствую. Всю свою боль от того, что он не помнит. Всю свою надежду, что сейчас он вспомнит. Все вспыхнувшие к нему чувства, о которых я не могу сказать вслух, потому что, если я сделаю это, а он умрет, я не переживу.

Раздвигаю его мягкие теплые губы, и он на секунду замирает, перестает дышать. А потом отвечает — углубляет поцелуй со страстью сумасшедшего, с голодом человека, который двадцать лет был лишен тепла и вдруг нашел его.

Руки Ашера ложатся на мою спину и притягивают меня ближе. Так близко, что я чувствую, как слабо бьется его сердце. Его хвост обвивает мою талию, прижимает меня к нему, и его дыхание становится глубже, горячее.

Я чувствую, как под моими пальцами его мышцы расслабляются. Как напряжение, которое держало его двадцать лет, начинает отпускать. Как он перестает бороться и просто… чувствует.

— Лида, — выдыхает он в мои губы с такой нежностью, что я с надеждой заглядываю ему в глаза.

— Вспоминай, — шепчу я. — Пожалуйста. Помни.

Быстро встаю с его коленей. Отчаянно стягиваю через голову футболку, и ткань трещит, но мне плевать. Расстегиваю брюки и сбрасываю их на пол.

Я не думаю о том, как выгляжу. Не думаю о том, что он может видеть меня в тусклом свете аварийных ламп. Я думаю только о нем. О нас. О том, что у нас меньше четырех минут, чтобы выжить.

Потом тянусь к его форме. Пальцы дрожат, застежки не поддаются, но я справляюсь. Расстегиваю его космийку внизу — на другое нет времени. Черная ткань расходится, обнажая его пресс и доказательство того, как сильно он желает меня, несмотря на упадок сил.

Он твердый. Горячий. Готовый.

Не знаю, как работает наша связь, но тогда она не лишила его энергии, а, наоборот, придала сил. И сейчас, глядя на него, я понимаю, что это работает. Снова.

«ДО СТОЛКНОВЕНИЯ С АСТЕРОИДНЫМ ПОЛЕМ: 3 МИНУТЫ 30 СЕКУНД»

Голова на секунду идет кругом — последствия использования дара на всю катушку. Только бы не потерять сознание! Только бы не онеметь чувствами! Только бы успеть!

Я залезаю на колени Ашера, и он сразу обхватывает рукой мой затылок, притягивая к себе для глубокого и страстного

поцелуя. Его губы горячие, настойчивые, и в этом поцелуе чувствую его голод и желание.

Его руки тут же пускаются исследовать мое обнаженное тело. Скользят по спине, по талии, сжимают грудь. Его руки такие большие, что почти полностью закрывают мою грудь. Он мнет ее, гладит, чуть сжимает сосок, и я выдыхаю ему в губы.

Потом его рука скользит ниже. По животу, по бедру и похозяйски ныряет пальцами в самое нежное место. Я уже изнываю от желания, от отчаяния, от того, что мы можем умереть в любую секунду. Он чувствует это, ведь его пальцы скользят легко, свободно, находят нужный ритм с первой попытки.

— Да, — шепчу я. — Да, Ашер.

Всего несколько движений — и я готова. Мое тело дрожит, пульсирует, жаждет его. Я чувствую, как внутри все сжимается в тугой узел, как волна нарастает где-то глубоко, но я не даю ей выплеснуться.

Бросаю взгляд на экран.

«ДО СТОЛКНОВЕНИЯ С АСТЕРОИДНЫМ ПОЛЕМ: 2 МИНУТЫ 48 СЕКУНД»

Меньше трех минут. Всего сто шестьдесят восемь секунд, чтобы сделать то, что должно изменить все.

Я приподнимаюсь на коленях, нависая над Ашером. Он смотрит на меня через щелку полуприкрытых глаз. В них горит желтый огонь и желание.

Медленно опускаюсь на него. Он входит в меня плавно, но глубоко. Я чувствую, как он заполняет меня — медленно, ритмично, полностью. Каждый миллиметр моего тела.

Я чувствую его внутри себя. Твердого, горячего, пульсирующего. Мое тело раскрывается ему навстречу, принимает его, обхватывает. Чувствую, как он касается меня изнутри, как его пульс отдается во мне.

И я начинаю двигаться.

Медленно. Глубоко. В такт с его сердцем. Я создаю наш ритм, который спас его в прошлый раз.

Его руки ложатся на мои бедра, направляя меня. Я чувствую, как он приподнимает меня и опускает обратно, задавая темп. Его хвост скользит по моей спине, поднимается к затылку, перебирает волосы. Нежно. Почти ласково.

Он берет инициативу на себя и ускоряется, сжимая мои бедра и создавая другой ритм — глубже, быстрее, отчаяннее. Я чувствую, как внутри меня нарастает горячая и неудержимая волна.

Смотрю на экран.

«ДО СТОЛКНОВЕНИЯ С АСТЕРОИДНЫМ ПОЛЕМ: 1 МИНУТА 50 СЕКУНД»

Меньше двух минут.

Дыхание Ашера становится рваным, его пальцы впиваются в мои бедра, его хвост сжимается на моей талии. Его финал тоже близко.

Его глаза на миг распахиваются, и я вижу в них удивление

и узнавание. Вижу, как его зрачки расширяются до черноты, как он смотрит на меня.

И волна накрывает нас одновременно.

Я чувствую, как он пульсирует внутри меня, как его тело содрогается, как его хриплый низкий стон разрывает тишину. И в тот же миг мое собственное удовольствие взрывается где-то в глубине, разливаясь по всему телу горячим золотым светом.

Я кричу, не сдерживаясь и не стесняясь. Кричу его имя, впиваясь пальцами в его плечи, и чувствую, как внутри меня все сжимается вокруг него, принимая, вбирая, запоминая.

И в этот момент «Тристан» за спиной взрывается светом.

Золотые прожилки на стенах вспыхивают ярко, как звезда. Я чувствую, как его сердце делает мощный, сильный удар. Как биомасса оживает, дышит, наполняется силой. Как двигатели ревут, выравнивая курс.

На экране цифры замедляются.

«ДО СТОЛКНОВЕНИЯ С АСТЕРОИДНЫМ ПОЛЕМ: 1 МИНУТА 30 СЕКУНД»

Но я знаю, что мы успеем. Мы выживем.

Ашер прижимает меня к себе и не отпускает. Его руки гладят мою спину, его хвост обвивает меня, его горячее дыхание касается моей макушки.

Я чувствую, как он дергается во мне.

А потом разом как-то расслабляется.

Я поднимаю голову, смотрю на расслабленное лицо Аше-

ра, на закрытые глаза.

— Ашер!

Откликается «Тристан»:

— Необходимая мера для задействования всех ресурсов.

«ДО СТОЛКНОВЕНИЯ С АСТЕРОИДНЫМ ПОЛЕМ: 0 МИНУТ 52 СЕКУНДЫ»

«Тристан» резко дергается, уклоняясь от астероида. Я чувствую, как корабль вибрирует, как двигатели работают на пределе, как он уводит нас от смерти.

А сама смотрю на Ашера и улыбаюсь.

Мы обходим астероидное поле, и я смеюсь.

Получилось!

— Надеюсь, в этот раз ты точно запомнил, что произошло! — говорю, поднимаясь на ноги.

Ашер все еще в отключке, и откликается «Тристан»:

— Капитан был в бессознательном состоянии, Лидия. Мне жаль.

Глава 17

Жаль?

— Да что ты понимаешь, бездушная биомеханика, — шепчу я, глядя в пространство.

А потом перевожу взгляд на Ашера.

Он снова проснется и как ни в чем не бывало поблагодарит меня за помощь, думая, что я помогла своим даром ритма, так?

Я не хочу этого видеть и слышать! Не хочу.

Сидеть и ждать этого выше моих сил.

Я не батарейка. Я человек. Женщина. И я заслуживаю, чтобы меня помнили.

Я бросаю взгляд на экран с картой маршрута. Мы скоро пролетим мимо еще одной станции, откуда я потом смогу выбраться. Коммуникатор с доступом к деньгам, слава галактике, все еще на моей руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.